

УДК: УДК 343.1

Дегидь О.М.

помощник руководителя

Главного следственного управления

Следственного комитета РФ по Красноярскому краю

Научный руководитель: Шинкевич Д.В.,

кандидат юридических наук, доцент

Россия, г. Красноярск

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И
ПОВЫШЕНИЕ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

Аннотация. Статья посвящена вопросам развития системы следственных действий в российском уголовном процессе, аспектам нормативно-правового регулирования указанного института и возможным способам повышения эффективности системы следственных действий в современных условиях. Актуальность данной темы во многом обусловлена изменчивостью внутригосударственных и международных стандартов уголовной юстиции, влиянием уголовно-процессуального опыта иных государств, а так же прогрессирующими темпами развития современной науки и технологии.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, следователь, уголовно-процессуальный кодекс.

Degid O.M.

assistant to the head of

*Main investigative Department Investigative Committee
of the Russian Federation for the Krasnoyarsk territory*

Scientific supervisor: Shinkevich D. V.,

candidate of law, associate Professor

**DEVELOPMENT OF THE INVESTIGATIVE SYSTEM AND
INCREASING ITS EFFECTIVENESS IN MODERN CONDITIONS**

Anointing. The article is devoted to the development of the system of investigative actions in the Russian criminal process, aspects of legal regulation of this institution and possible ways to improve the effectiveness of the system of investigative actions in modern conditions. The relevance of this topic is largely due to the variability of domestic and international standards of criminal justice, the influence of the criminal procedure experience of other States, as well as the progressive pace of development of modern science and technology.

Keywords: criminal procedure, investigative actions, investigator, criminal procedure code.

Основным содержанием предварительного расследования преступлений является доказывание и формирование на основе его результатов итогового процессуального решения. В свою очередь основным способом собирания доказательств в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ является производство следственных действий. От того, какие действия по УПК РФ можно считать следственными, напрямую зависят и возможности следователя (дознателя) по осуществлению процесса доказывания. При этом представителями современной уголовно-процессуальной науки практически бесспорно признается недостаточность правовой регламентации рассматриваемого института. Законодатель не дает определения следственных действий и не называет исчерпывающим образом их виды. Такой подход не меняется на протяжении многих лет: он был присущ предшествующему УПК РСФСР, в значительной мере свойственен и действующему уголовно-процессуальному законодательству [3, с. 8]. Анализ норм действующего УПК позволяет лишь выделить основные критерии, характеризующие сущность и

содержание категории «следственные действия». В частности, п. 19 ст. 5 УПК, включающий определение неотложных следственных действий, указывает на специальный субъект осуществления таких действий, а также на поисковый характер цели их производства - обнаружение и фиксация следов преступления; закрепление, изъятие и исследование доказательств. Текст п. 32 ст. 5 УПК, раскрывая понятие процессуального действия, относит к таковым «следственное, судебное или иное действие», предусмотренное кодексом. Т.е., не все процессуальные действия являются следственными, но все следственные действия – процессуальные.

Хотя большинство авторов [5] и считают, что все наименования следственных действий, а так же нормативная регламентация оснований и порядка их производства представлены в главах 24–27 УПК, но отсутствие законодательно закрепленного единого перечня следственных действий приводит к появлению различных точек зрения по вопросам определения такого перечня и дает некий карт-бланш теоретикам и практикам на отнесение тех или иных процессуальных действий к следственным. Так, например, Муцалов Ш.Ш. к следственным действиям относит наложение ареста на имущество, указывая, что «имущество, на которое наложен арест, в случае установления фактов его преступного происхождения будет важным доказательством по расследуемому уголовному делу» [4, с. 144]. Косвенно такая позиция подтверждается и самим законом в ч. 5 ст. 165 УПК, однако отсутствие познавательно-поисковой направленности все же препятствует отнесению наложения ареста на имущество к следственным действиям. В науке не сформировано единой точки зрения относительно правовой природы таких действий, как эксгумация трупа и получение образцов для сравнительного исследования. Некоторые ученые считают их только средствами получения данных для дальнейшего производства следственных действий [6], иные же полагают, что «именно в результате указанных действий в распоряжении следователя на законных

основаниях оказываются источники доказательственной информации (труп и соответствующие образцы), которая отображается и анализируется в ходе проведения последующих следственных действий (прежде всего – судебных экспертиз)»[2, с. 12]. Более правильным все же представляется признавать эксгумацию и получение образцов для сравнительного исследования действиями обеспечительного, нежели поисково-познавательного характера. Спорными в литературе являются так же судебная экспертиза и освидетельствование в силу того, что непосредственно деятельные акты, составляющие основное содержание указанных следственных действий, осуществляет не следователь, а иное лицо (эксперт, врач). В данном случае нельзя допускать подмену субъекта познавательной деятельности, относящейся к предмету доказывания по уголовному делу: субъектом является следователь, а эксперт и врач, в силу обладания специальными познаниями в той или иной отрасли науки, выступают по сути «инструментами» осуществления познания.

В последние годы в науке не утихают дискуссии о возможном преобразовании российского досудебного производства в направлении его деформализации по примеру ряда зарубежных стран. В частности речь идет об инкорпорации в систему следственных действий оперативно-розыскных элементов. По мнению С.А. Шейфера, такой путь недопустим для нашей уголовно-процессуальной системы. Использование при формировании доказательственной базы на досудебном производстве результатов оперативной деятельности – это особенность судопроизводства определенных стран, где результаты досудебного производства еще не являются полноценными доказательствами; а становятся таковыми лишь пройдя процедуру судебной легализации. Российскому же уголовному процессу присущ иной механизм формирования доказательств - признание их таковыми самим следователем, являющимся полноценным субъектом доказывания и

уполномоченным оценивать собранную информацию на предмет относимости и допустимости [7, с. 16]. Одним из активнейших сторонников деформализационного подхода является Александров А.С., который на протяжении последних десятилетий продвигает концепцию перехода на иной правовой формат противодействия преступности: «полицейское дознание», то есть оперативно-розыскная деятельность и расследование как единое целое – досудебное уголовное преследование [1, с. 81]. Основным органом «предварительного расследования» в виде «полицейского дознания», по мнению Александрова, должна стать «федеральная уголовная полиция», которая будет осуществлять выявление и раскрытие преступлений путем производства гласных и негласных следственных действий. Результаты такой деятельности получат статус судебных доказательств после представления их суду и судебной проверки в условиях состязательности.

Предложения о расширении арсенала средств и методов расследования за счет включения мероприятий оперативно-розыскного характера имеют под собой рациональное основание. Как уже отмечалось, деятельность следователя по расследованию преступлений носит поисково-познавательную окраску, при этом в силу процессуальной специфики следственных действий превалирующим является все-таки познавательная составляющая. Дополнение процессуальных полномочий следователя непроцессуальными оперативно-розыскными функциями значительно усилит сыскной компонент. Представляется логичным, что возможность осуществления следователем непроцессуальных поисковых мероприятий будет иметь определенное обеспечительное значение для последующего производства следственных действий, тем самым пополняя баланс эффективности системы следственных действий в целом.

Существенным недостатком российского уголовного процесса является запаздывающее внедрение доступных средств технического

прогресса. В связи с этим справедливым можно считать, что приоритетным направлением последующего развития системы следственных действий является ее пополнение новыми элементами, основанными на технических достижениях (либо за счет расширения границ следственных действий, закрепленных в УПК РФ (или на их основе), либо за счет появления новых познавательных приемов) [3, с. 39]. Примером восприятия уголовным-процессом нового познавательного приема, основанного на достижениях технологического характера, служит введение в 2010 г. в УПК РФ ст. 186.1, предусматривающей «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» в качестве нового следственного действия.

Перспективным с точки зрения повышения эффективности системы следственных действий, представляется внедрение по примеру других государств (например, Испания) возможности удаленного участия в производстве следственных действий отдельных лиц с помощью видеоконференции или другой аналогичной системы, которая обеспечивает двунаправленную и одновременную передачу изображения и звука. Привлекательным так же представляется опыт предварительного следствия в Германии с возможностью записи допроса обвиняемого или свидетеля на носители изображения и звука (при этом допустимо не составлять протокол, на практике при расследовании преступлений сотрудниками полиции активно используется диктофон). УПК РФ так же предусматривает осуществление в ходе допроса аудио- и (или) видеозаписи, однако это никак не исключает требования об обязательном составлении протокола указанного следственного действия. Возможность не просто дополнения, а именно замены ручного способа фиксации результатов допроса записью его процесса с помощью технических средств представляется желательной и резонной перспективой обновления положений статей главы 26 УПК РФ.

Список использованных источников:

1. Александров А.С., Поздняков М.Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегор. акад. МВД России, 2014, № 1 (25). - С. 78-82.

2. Бычков В.В. Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Российский следователь. - М.: Юрист, 2013, № 10. - С. 11-14.

3. Кальницкий, В. В. Следственные действия : учеб. пособие / В. В. Кальницкий, Е. Г. Ларин. – Омск : Омская академия МВД России, 2015. – 172 с.

4. Муцалов Ш.Ш. Проблемы института наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. // Евразийский Научный Журнал - №3 - 2016 – С. 143-146.

5. См.: Алиев М.А., Шахбанова Х.М. Система следственных действий в уголовном процессе // Актуальные проблемы права и управления глазами молодежи. Материалы международной научной студенческой конференции. Под общ. ред. И.Б. Богородицкого. Тула, 2014; Киян Ю.В. Следственное действие: понятие и система // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3 (92).

6. См.: Ишмухаметов Я.М., Япрынцева П.О. Производство и система следственных действий в уголовном процессе // Молодой ученый. - 2015. - №22. - С. 594-597; Юсупова И. А. К вопросу о сущности и системе следственных действий // Молодой ученый. - 2018. - №15. - С. 86-88.

7. Шейфер С.А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. N 2. С. 5 - 16.